

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>Перевод С. Лихачевой</i>	5
РОВАРАНДОМ. <i>Перевод Н. Шантырь</i>	27
Фермер Джайлз из Хэма. <i>Перевод</i> <i>О. Степашиной</i>	127
«Приключения Тома Бомбадила» и другие стихотворения из «Алой книги». <i>Перевод</i> <i>С. Лихачевой</i>	201
Кузнец из Большого Вуттона. <i>Перевод</i> <i>О. Степашиной</i>	251
Лист работы Ниггля. <i>Перевод</i> <i>О. Степашиной</i>	291
Приложение.	
О волшебных сказках. <i>Перевод С. Лихачевой</i>	323
Послесловие. <i>Перевод С. Лихачевой</i>	413

Фаэри — край опасный, есть там и ловушки для неосторожных, и темницы для чрезмерно дерзких <...>. Царство волшебной сказки обширно, глубоко и высоко, и много чем изобильно: водятся там всевозможные птицы и звери, есть там безбрежные моря и бессчетные звезды, зачаровывающая красота и вездесущее зло; радость и скорбь, острые, как мечи. Забредший в это царство, пожалуй, и вправе почитать себя счастливым — но изобилие и необычайность увиденного сковывают язык путника, что тщится о нем поведать. А пока он там, не след ему задавать слишком много вопросов, а то ворота, чего доброго, захлопнутся и ключи потеряются.

*Дж. Р. Р. Толкин*¹

¹ Отрывок из лекции «О волшебных сказках», прочитанной 8 марта 1939 года. Полный текст приводится в конце настоящей книги.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы не знаем, когда именно Толкин впервые обратился мыслями к Волшебной стране — к Опасному королевству Фаэри. В своем эссе «О волшебных сказках», приведенном в конце настоящей книги, он признается, что в детстве не слишком-то интересовался историями такого рода: помимо волшебных сказок ему нравилось еще много чего другого. «Истинный вкус» к ним «пробудила филология на пороге взросления; оживила и стимулировала его война». По всей видимости, это так и есть. Первое известное нам произведение Толкина, в котором проявился интерес к фэйри, это стихотворение под названием «Солнечный лес», написанное в 1910 году, когда Толкину было восемнадцать и он все еще учился в бирмингемской школе короля Эдуарда. К концу 1915 года, когда Толкин окончил Оксфордский университет и тотчас же вступил в армию, дабы сражаться в Великой войне, он сочинил еще несколько стихотворений: некоторые из них содержали ключевые элементы его будущей подробно разработанной мифологии Фаэри. А к концу 1917 года, в течение которого Толкин либо находился в военном госпитале, либо ждал, чтобы врачи признали его годным к воинской службе, он написал

первый вариант сказаний, что спустя шестьдесят лет будут опубликованы в составе «Сильмариллиона», и Средиземье, равно как и Эльфийский дом за его пределами, в воображении автора обрели отчетливую форму.

Что было дальше — это долгая история, и сегодня мы знаем о ней куда больше, нежели прежде; но некогда сам Толкин подытожил ее сжато и выразительно в притче «Лист работы Ниггля». Принято считать, что произведение это во многом автобиографично и Толкин-писатель — неисправимый «ерундист»¹, как уверял он сам, — изобразил самого себя в образе Ниггля-художника. Ниггль, как рассказывается в притче, работал над множеством разных картин, но одна из них все больше поглощала его внимание. Сперва художник нарисовал отдельный лист, а затем — дерево; обычное дерево стало великим Древом; позади него в просветах между ветвями постепенно проступала целая страна, «леса, уходящие за горизонт, и горы, увенчанные снегом». Ниггль, как пишет Толкин, «утратил интерес к прочим своим полотнам. А часть из них просто взял и прикрепил к краям главной картины».

И снова перед нами — довольно точное описание того, чем Толкин занимался в 1920-х, 1930-х и 1940-х годах. В течение этих тридцати лет он продолжал работу над вариантами сюжетов «Сильмариллиона», время от времени сочинял и стихи (иногда даже не указывая авторство), придумывал и другие истории,

¹ Говорящее имя «Ниггль» образовано от английского глагола *to niggle* — заниматься ерундой, размениваться на мелочи, дотошно и придирчиво возиться с мелкими деталями. В письме № 236 Толкин называет себя *niggler by nature* — прирожденным «ерундистом». — *Примеч. пер.*

не всегда их записывал и в ряде случаев поначалу рассказывал их только своим детям. Так возник и «Хоббит»: действие сказки происходило в Средиземье, но эльфийской истории Сильмарилей она касалась лишь мимоходом; если воспользоваться современным термином, это был спин-офф — ответвление от основного сюжета. Следующим таким ответвлением, теперь уже от «Хоббита», стал «Властелин Колец»: толчком к его написанию послужило то, что издатель настойчиво требовал продолжения к «Хоббиту». А Толкин, в точности как Ниггль, стал брать написанное прежде и «прикреплять к краям главной картины». Том Бомбадил, возникший как имя для детской игрушки, в 1934 году проник в печать в качестве главного героя длинного стихотворения, а затем стал, пожалуй, самой загадочной фигурой в мире «Властелина Колец». В эту грандиозную эпопею оказались втянуты и другие стихи: и шуточные, как «Олифант» Сэма Гэмджи, впервые опубликованный в 1927 году, и торжественные и печальные, такие как стихотворный вариант сказания о Берене и Лутиэн, спетый Бродяжником на Непогодной вершине: его текст, в свою очередь, восходит к стихотворению, опубликованному в 1925 году, и основан на истории, написанной еще раньше.

Что именно явилось первоначальным «листом» толкиновского вдохновения и что он разумел под «Деревом», мы доподлинно не знаем, хотя «леса, уходящие за горизонт», пожалуй, наводят на мысль об энтах. Но эта небольшая аллегория лишний раз подтверждает мысль, высказанную Толкином в другом месте, а именно: «волшебные сказки», кто бы их ни рассказывал, они не столько о фэйри, сколько о Фаэри, то есть о Волшебной стране как таковой, об Опасном крае. Действительно, Толкин утверждал, что на

самом деле существует не так уж много историй *про* фэйри или даже про эльфов, и подавляющая их часть — скромность не позволяла ему уточнить: «кроме тех, которые написаны самим Толкином», — не особо интересна. Большинство действительно хороших волшебных сказок посвящены «*приключениям* людей в Опасной Стране либо на ее сумеречных границах». И снова это — очень точное описание толкиновских сказаний о Берене на границах Дориата, о Турине, который сражается с вражескими отрядами в окрестностях Нарготронда, или о Туоре, который спасается бегством из разоренного Гондолина. К понятию «фэйри» Толкин относился крайне неоднозначно. Само слово *fair*y [фэйри] он терпеть не мог как французское заимствование — ведь наряду с ним существует английское слово *elf* [эльф]; и не выносил викторианский культ феечек — миниатюрных, прелестных, беспомощных созданий, зачастую насквозь фальшивых, — которых так охотно задействовали в назидательных сказочках для детей. Действительно, эссе «О волшебных сказках» (текст лекции, прочитанной в 1939 году в честь Эндрю Лэнга, собирателя волшебных сказок, в расширенном виде был опубликован в 1945 году в составе сборника, посвященного памяти Чарльза Уильямса) ставит целью поправить научную терминологию и улучшить вкусы широкой публики. Толкин считал, что разбирается в вопросе куда лучше и имеет дело с более древними, глубинными и важными смыслами, нежели были известны викторианцам, даже таким эрудированным, как Эндрю Лэнг.

Но даже если Толкин не жаловал фэйри, он был всем сердцем предан Фаэри, стране «драконов, да гоблинов, да великанов», где, по словам Бильбо Бэг-

гинса, можно послушать «про спасенных принцесс да про удачливых сыновей вдовы». Сказки и стихотворения, вошедшие в эту книгу — многоплановые, самобытные, независимые, — показывают, как Толкин опробует разные подходы к тем или иным волшебным землям. Это, по сути дела, те самые полотна, которые Ниггль *не* «прикрепил к краям главной картины». Они интригующе намекают на направления, которые можно было бы разработать подробнее: такова, например, поздняя ненаписанная история Малого Королевства фермера Джайлза. Эти произведения позволяют нам взглянуть под совершенно иным ракурсом на толкиновское воображение в контексте целого периода, растянутого по меньшей мере на сорок лет, от зрелости и до старости. Кроме того, так уж вышло, мы хорошо знаем, как возникла каждая из этих историй.

Сказка «Роверандом», увидевшая свет только в 1998 году, была придумана более чем семьдесятю годами раньше с одной-единственной конкретной целью: утешить маленького мальчика, потерявшего игрушечную собачку. В сентябре 1925 года семья Толкинов, отец, мать и трое сыновей, Джон (в возрасте восьми лет), Майкл (в возрасте пяти лет) и малыш Кристофер, поехали на отдых в приморский городок Файли в Йоркшире. На тот момент Майкл души не чаял в своей игрушечной собачке и повсюду таскал ее с собой. Он, его отец и старший брат отправились на пляж; отвлекшись на игру, Майкл положил собачку на камешки, но когда за ней вернулись, то уже не нашли: собачка была белая, с черными пятнышками, и высмотреть ее на белом галечном взморье так и не удалось. Отец с детьми обшарили весь пляж, и в тот

день, и на следующий, а потом на берег обрушился шторм и дальнейшие поиски стали невозможны. Чтобы утешить Майкла, Толкин придумал историю, в которой оловянный Ровер вовсе не игрушка, а настоящий песик, превращенный в игрушку рассерженным колдуном. Потом игрушечный пес встречает на пляже дружелюбного волшебника, и тот отправляет его в разные путешествия, чтобы тот смог снова стать настоящим псом и воссоединиться со своим бывшим хозяином, вторым из трех мальчиков. Как и все толкиновские истории, эта разрасталась по мере рассказывания, была записана и дополнена несколькими иллюстрациями самого Толкина, вероятно под Рождество 1927 года, и обрела законченную форму примерно тогда же, когда и «Хоббит», в 1936 году.

Помимо взморья в Файли, где Ровер встречает песчаного волшебника Псаматоса, в «Роверандоме» есть три основных места действия: светлая сторона Луны, где стоит башня Человека-на-Луне, темная сторона, куда спящие дети приходят по лунной дорожке поиграть в долине снов, и подводные владения морского царя, куда отправился сердитый колдун Артаксеркс, получив назначение на пост Пан-Атлантического и Тихоокеанского Мага, или ПАМа для краткости. На Луне и на дне моря Ровер подружился с лунным псом и морским псом: обоих звали Роверами, поэтому ему пришлось взять себе имя Роверандом. Эти трое постоянно попадают в переделки, дразнят Великого Белого Дракона на Луне, пробуждают Морского Змея на дне океана, и тот, заворочавшись, вызывает шторм, подобный тому, что разметал гальку в Файли. А гигантский кит Юин как-то раз прокатил Роверандома за Моря Смутных Отражений и за пределы Островов Магии, откуда видна сама

Прародина Эльфов и свет Фаэри — именно здесь Толкин ближе всего подошел к тому, чтобы присоединить и эту историю к своей масштабной мифологии. «Мне бы не поздоровилось, если бы нас заметили!» — заявляет Юин, поспешно ныряя; и больше мы ничего не узнаем о предполагаемом Валиноре.

Восклицание «Мне бы не поздоровилось!» прекрасно передает настрой этого раннего, шуточного произведения. Приключения песиков забавны, их «перевозчики» — чайка Мью и кит Юин — довольно безобидны, вот разве что немного важничают, и даже появляющиеся в повествовании три волшебника вполне добродушны и не так уж и компетентны (если взять, например, Артаксеркса). Тем не менее там есть намеки на пласты более древние, темные и глубокие. Великий Белый Дракон, которого песики дразнят на Луне, — не кто иной, как Белый Дракон Англии из легенды о Мерлине, непрестанно воюющий с Красным Драконом Уэльса; Морской Змей напоминает Змея Мидгарда, который убьет Тора в день Рагнарека; морской песик Ровер вспоминает своего хозяина-викинга, который очень похож на знаменитого короля Олава Трюггвасона. «Роверандом» вобрал в себя и миф, и легенды, и историю. Не забывал Толкин и о том, что в Опасном краю должны быть какие-никакие опасности — даже в сказке для детей. На темной стороне Луны водятся черные пауки, а также и серые, готовые замариновать маленькую собачку и утащить в свою кладовку, а на светлой стороне обитают «очень коварные мухи-меченосцы... стеклянные жуки с челюстями наподобие стальных капканов; и бледные единорожки с жалом, разящим словно копьё... и самые ужасные из всех лунных насекомых — летучие тенемыши». Не говоря уж о том, что

на обратном пути из долины, в которую дети попадают во сне, «в трясинах» таилось «множество премерзких, наводящих ужас существ», которые, если бы не защита Жителя Луны, «мгновенно бы сцапали нашего песика». Еще есть морские гоблины и целый список бедствий, вызванных Артаксерксом, который выбросил в мусор все свои заклинания. Толкин уже успел оценить эффект намека и недоговоренности — впечатление от историй, которые так и остались нерассказанными, от существ и сил (таки, как Некромант в «Хоббите»), которые только маячат на границе поля зрения. Вопреки логике, время, затраченное на мелкие детали, даже когда они ни к чему не ведут, это не просто «пустая возня» в духе Ниггля.

В «Фермере Джайлзе из Хэма» также преобладает шуточный тон, но это юмор иного толка, более взрослый и даже академичный. И снова история начиналась как сказка, экспромтом рассказанная детям Толкина: его старший сын Джон вспоминает, что слышал ее в каком-то варианте, когда семья пряталась под мостом от грозы, вероятно, уже после того, как они переехали в Оксфорд в 1926 году. (В одном из ключевых эпизодов истории дракон Хризофилакс появляется из-под моста и обращает в бегство короля и всю его армию.) В первом записанном варианте в роли рассказчика выступает «папочка», а ребенок перебивает его и спрашивает, что такое «мушкетон». История постепенно дополнялась и расширялась, в окончательной форме была прочитана перед неким Оксфордским студенческим обществом в январе 1940 года и наконец увидела свет в 1949 году.

Первая шутка заключается уже в заглавии — их два, одно на английском, второе на латыни. Толкин

утверждает, будто перевел историю с латыни, и в своем «предисловии» имитирует что-то вроде научного введения с его покровительственно-менторским тоном. Вымышленный редактор очень невысокого мнения о латыни вымышленного рассказчика: для него история ценна главным образом тем, что проливает свет на происхождение топонимов; он свысока поглядывает на тех наивных простецов, которых «может заинтересовать сама личность главного героя и его приключения». Но сказка берет реванш. Издатель с одобрением отзывается об «исторических анналах» и «историках времен короля Артура», но упоминает про «чередование войн и перемирий, радостей и горестей», а это — фактически дословная цитата из первой лэссы рыцарского романа «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» — источника столь же изобилующего чудесами, сколь и неисторичного. Как наглядно свидетельствует эта история, правда в том, что «народные песенки», над которыми редактор подсмеивается, куда более достоверны, нежели ученые комментарии, к ним прилагающиеся. В «Фермере Джайлзе» древняя традиция всегда и везде одерживает верх над новомодной ученостью. «Четыре Мудрых Грамотея из Оксенфорда» дают определение мушкетону, и определение это взято из Большого Оксфордского словаря, у которого (во времена Толкина) последовательно сменилось четыре главных редактора. Однако мушкетон Джайлза определению не поддается — и тем не менее срабатывает. «Простые тяжелые мечи» при дворе короля «вышли из моды»: один из таких клинков король и отдает Джайлзу за ненадобностью. Но меч этот — «Хвосторуб» (или на латыни *Caudimordax*), и, вооружившись им, Джайлз приходит в восторг, несмотря на предстоящую встречу с драконом,

ведь он так любит древние предания и героические песни, которые тоже уже не в моде.

Из моды они, может, и вышли, да только никуда не делись. Всю жизнь Толкина завораживали сохранившиеся до наших дней реликты давних эпох: слова, фразеологизмы, поговорки и даже истории и стихи, дошедшие из доисторического прошлого, которые передавались из уст в уста, естественно, зачастую искажались и в неузнаваемом виде стали частью современного коллективного повседневного опыта. Самоочевидный пример — волшебные сказки: на протяжении многих веков они сохранялись благодаря не ученым, но старушкам бабушкам и нянькам. А еще — детские стишки-прибаутки. Откуда они взялись? Старый король Коль фигурирует в «предисловии» Толкина (будучи уместно перенесен в ученую псевдоисторию), а Хризофилакс, выползая из-под моста, цитирует «Шалтая-Болтая». Еще две переработанные детские рифмованные прибаутки вошли в сборник «Приключения Тома Бомбадила» как стихотворения про «Жителя Луны». Загадки — тоже реликты прошлого, их сочиняли еще англосаксы (по сей день сохранилось больше сотни таких образчиков), ими забавляются и современные школьники. А еще есть популярные присловья, которые всегда открыты для переосмысления — кузнец «Весельчак Сэм» придумывает несколько таких пословиц в «Фермере Джайлзе», как и Бильбо во «Властелине Колец» с его афоризмом «Чистое золото не блестит», — но не исчезают совсем. А самая расхожая разновидность реликтов прошлого — это имена и названия. Они нередко восходят к глубокой древности, значение их зачастую забывается, но они по-прежнему живы и властно дают о себе знать. Толкин был убежден, что отго-

лоски древних героических имен сохраняются даже в его собственной семье, и «Фермер Джайлз» был отчасти вдохновлен желанием «осмыслить» местные топонимы Бакингемшира — Тейм и Уормингхолл.

Однако величайшие из реликтов прошлого — это мифы, и в «Фермере Джайлзе» самая важная из одержанных побед — это победа мифического над повседневным. Ибо кому судить, что есть что? Молодые и глупые драконы приходят к выводу: «Так значит, рыцари — это мифические существа!.. Мы всегда так думали». Глупый, чересчур цивилизованный двор предпочитает приторно-сладкий Поддельный Драконий Хвост настоящему хвосту. А потомки придворных (подразумевает Толкин) в конце концов и легенды про настоящих драконов перестанут слагать или читать и заменят их жалкими подражаниями — в точности как Повар Нокс в «Кузнеце из Большого Вуттона» со своим пошлым, ограниченным представлением о Королеве Фей и стране Фаэри. Джайлз тверд, решителен и справедлив в своем обхождении как с королем и придворными, так и с драконом, хотя не следует забывать о помощи священника — человека грамотного, который выгодно выделяется на фоне всех прочих ученых умников, — и о невоспетой героине сказки, серой кобыле. Она всегда знает, что делает, даже когда фыркает, увидев совершенно ненужные Джайлзовы шпоры. Джайлзу нет нужды притворяться рыцарем.

Сборник «Приключения Тома Бомбадила» тоже возник благодаря подсказкам родственников Толкина. В 1961 году тетюшка Толкина Джейн Нив предложила ему издать небольшую книжицу про Тома Бомбадила, которую такие, как она, могли бы позволить

себе купить на рождественские подарки. В ответ Толкин составил подборку стихотворений, написанных в разные времена за предшествующие сорок лет или больше. Из этих шестнадцати произведений большинство уже были когда-то опубликованы, в том числе и в малоизвестных журналах, в 1920-х и 1930-х годах, но в 1962 году Толкин, воспользовавшись случаем, основательно их переработал. К тому времени уже вышел и обрел широкую популярность «Властелин Колец», и Толкин сделал то же, что Ниггль со своими ранними картинами: вставил ранние зарисовки в общую раму более крупного полотна. Он снова воспользовался приемом высокоученого редактора: на сей раз им стал некто, обладающий доступом к «Алой книге Западного предела», коллективному хоббитскому сочинению, из которого, как считается, и был почерпнут «Властелин Колец». На сей раз этот редактор решил подготовить к изданию не основную историю, но «маргиналии» — средневековые писцы действительно частенько делали разнообразные записи и пометы на полях более солидных трудов.

Такой прием позволил Толкину включить в сборник ни на что не претендующие шуточные стихи, такие как «Кот» (№ 12), написанный уже в 1956 году для внучки Джоанны; или стихотворения, никак не связанные со Средиземьем, такие как «Мьюлипы» (№ 9), — изначально оно было опубликовано в «Оксфорд мэгезин» в 1937 году, с подзаголовком: «Строки, сочиненные в ожидании ответа под дверью высокопоставленного ученого мужа», — или произведения, со Средиземьем все-таки связанные, хотя теперь автор питал на их счет некоторые сомнения. Так, например, «Приключение» (№ 3) впервые было написано по меньшей мере тридцатью годами раньше

и с тех пор подверглось переработке и превратилось в песню, которую Бильбо поет во «Властелине Колец», но фигурирующие в нем имена и названия никак не соответствовали эльфийским языкам, разрабатываемым все подробнее. Потому редактор-Толкин объясняет, что, хотя стихотворение и принадлежит авторству Бильбо, он, по-видимому, написал его вскоре после того, как удалился на покой в Ривенделл, в ту пору, когда мало что знал об эльфийской поэтической традиции. К тому времени, как Бильбо сочинил вариант, вошедший в книгу «Властелин Колец», он уже разбирался в эльфийском стихосложении куда лучше, хотя Бродяжник все равно считал, что от добра добра не ищут. Несколько других произведений — как, например, два стихотворения про троллей (№ 7 и № 8) или «Олифант» (№ 10) — приписываются Сэму Гэмджи, чем и объясняется их несерьезный характер. Два стихотворения про Жителя Луны (№ 5 и № 6), оба датирующиеся 1923 годом, наглядно подтверждают интерес Толкина к детским стишкам-прибауткам: в воображении Толкина это — древние полноценные законченные стихотворения, до наших дней дошедшие в искаженном, обрывочном виде; именно такие были бы популярны в его вымышленном Шире.

Однако первые два и последние три стихотворения в подборке свидетельствуют, что Толкин прорабатывал свой материал куда глубже и серьезнее. Заглавное стихотворение (№ 1) тоже уже публиковалось в «Оксфорд мэгезин» — в 1934 году, но второе (№ 2), «Бомбадил катается на лодке», возможно, было написано еще раньше. Как и Роверандом, Бомбадил впервые возник как имя для игрушки одного из сыновей Толкина, но вскоре утвердился как своего рода во-